

Комбат Найтов

**МЫ ВЗЛЕТАЛИ,
КАК УТРИ...**

Москва

УДК 821.161.1-312.9
ББК 84(2Рос=Рус)6-445
Н20

Серия «Военная фантастика»

Выпуск 127

Оформление обложки *Владимира Гуркова*

*Выпуск произведения без разрешения издательства
считается противоправным и преследуется по закону*

Н20 Найтов, Комбат

Мы взлетали, как утки... : роман / Комбат Найтов. — Москва: Издательство АСТ; Издательский дом «Ленинград», 2018. — 384 с. — (Военная фантастика).

ISBN 978-5-17-107424-1

16 декабря 1937 года два инженера НИИ ВВС СССР поставили вопрос о создании самолета для непосредственной авиационной поддержки войск в условиях сильной ПВО противника. 2 октября 1939 года начались летные испытания ЦКБ-55 — двухместного бронированного штурмовика Ильюшина на 39-м заводе. Но, в силу множества причин, этот самолет в большую серию не пошел. Вместо него в войска поступил одноместный Ил-2, который в ходе войны пришлось переделывать в двухместный. При этом стрелок-радист оказался вне бронированного корпуса. «Возвращались тайком, без приборов, впотьмах, и с радистом-стрелком, что повис на ремнях...» — написал Высоцкий после знакомства с генералом Каманиным, командиром штурмовых корпусов (21 боевой вылет на штурмовике Ил-2) и полковником Береговым (185 боевых вылетов).

Ил-2 — самый массовый самолет Второй мировой войны, выпущено было тридцать шесть тысяч машин, ставших символом той войны. Он и его модификации воевали с 1941-го до середины 1953 года. Затем штурмовая авиация была признана малоэффективной и была ликвидирована министром обороны маршалом Жуковым.

Вернулись к этой идее только в 1969-м году, и через 10 лет родился «грач» или «гребешок», Су-25, способный выживать непосредственно над полем боя. Эти самолеты стоят на вооружении до сих пор, и никто теперь не говорит о том, что этот вид поддержки войск не эффективен!

Как бы повернулась история, если бы этот опыт был на вооружении в сорок первом?

УДК 821.161.1-312.9

ББК 84(2Рос=Рус)6-445

ISBN 978-5-17-107424-1

© Комбат Найтов, 2018

© ООО «Издательство АСТ», 2018

Комары разлетались из-под ног и жундели вокруг голов старого и малого, которые пробирались через плавни еще полноводной Сырдарьи к заветному омуту. У старого были отличные «вьетнамки» — бамбуковые складные спиннинги и шестиметровые трехколенные удилица. У малого — трехколенный высушенный ивовый тальник, который мог соединяться при помощи трубок, добытых с ракетного кладбища. Чуть пыхтя и отмахиваясь от комаров, старый и малый тяжело поднимали резиновые сапоги из солоноватой грязи. Они шли к небольшому островку с омутом, образованному течением. В камышах, залитых осенним половодьем, звучно чавкали крупные сазаны. Добравшись на место, уселись — кто на раскладной стульчик, кто на кочку.

— Дядь Коль! Вон там вон прикормка лежит. Щаз достану и переснаряжу.

— Серёнька, не тронь! Пусть так, как есть, и будет. Слышь, тишина какая!

— Ну, какая тишина! Комары жундят, сазаны, вон, хлюпают!

А в уши генерал-полковника давно вонзился протяжный вой пикирующего «лапотника».

— Кои твои годы, Сережка! Еще поймешь, что такое тихо!

Часть I

**ПРЕДДВЕРИЕ ВОЙНЫ.
КОВНО, ВЕСНА СОРОК ПЕРВОГО**

— Товарищи сержанты! Становись! — скомандовал майор Мамушкин. И хотя мы только что приехали и очень хотелось спать, мы встали и построились, подхватив свои фибровые чемоданчики. Мы — выпускники Борисоглебского училища летчиков. Частью истребители, есть пара «бомберов» на СБ, и два «штурмовика». Прибыли, чтобы пополнить 61-й ШАП Прибалтийского особого военного округа. Шла весна сорок первого. Местечко называлось Даукша — небольшое еврейское село в трех километрах от Кейдан и в сорока пяти от Ковно. Железнодорожная станция Кейданы, куда мы недавно прибыли, была за речкой и за мостом примерно в километре восточнее от КП полка. Кейданы — такое же местечко, но чуть побольше, плюс станция, но она уже ближе к Даукше. Здесь давно селились изгнанные из других мест Европы евреи. Еще недавно это была Польша, затем эти места отошли России, потом, откуда ни возьмись, появились литовцы. Теперь это Литовская Советская Социалистическая Республика, входящая в состав СССР. Нам предстоит защищать эту часть нашей страны.

Майор Мамушкин был небольшого росточка крепыш, с довольно увесистым брюшком. Летчика он напоминал мало. Сдвинув фуражку на затылок, он осматривал прибывших сержантов. Некоторые из них были немного пьяны. Они из Ковно добирались самостоятельно и не забыли посетить рестораны и многочисленные пивные. Они знали, что по приезде их ждет казарма, наряды и построения на утреннюю и вечернюю поверки, поэтому слегка «расслабились». Проявив некоторую сдержанность, майор напомнил сержантам, что они при-

были в строевую часть особого военного округа, и потребовал соблюдать воинскую дисциплину. Наибольшую готовность выполнять это требование проявили именно нетрезвые бойцы. Майор вызывал их по одному, сверял фамилии со штабным распределением и направлял сержантов в казарму соответствующей эскадрильи. Эскадрилий было восемь. Полк был большой, кадрированный. По сигналу «Гроза» должен был развернуться в целую дивизию. Последним по списку оказался младший лейтенант Шкирятов, единственный средний командир, которому была положена не койка в казарме, а отдельная комната на квартире.

— Отличник, что ли?

— Отличник.

— А сюда чего сослали?

— Приказали, сказали, что здесь есть «Илы» и требуется готовить летный состав.

— Чему ты можешь помочь, зазнайка? Сам за ручку едва держишься!

— Как знаете, товарищ майор. Я, вообще-то, истребитель и штурмовик просто на спор освоил.

— С кем спорил-то?

— С Коккинаки, Владимиром Коккинаки, он к нам с завода первые «Илы» перегонял.

— А ну, дыхни! — Спиртным от лейтенанта не пахло. — Почему не принял командование группой и допустил употребление спиртных напитков?

— Я ехал в пассажирском вагоне, а сержанты — в теплушке. В Ковно узнал, что кроме меня еще едет группа товарищей во главе со старшим сержантом Талановым. Из училища они выехали на двое суток раньше. Вмешиваться в его действия не стал. Ехали в разных вагонах. Да и недалеко здесь. Крутой пьянки не было. Бутылка водки на всех и пара бутылок пива на нос — это мелочи.

— Но сам не пьешь?

— Нет.

— Ладно, лейтенант. Вон твой капонир, а рядом — дом комсостава, свободные комнаты там есть.

Это «там» было на южной оконечности аэродрома, ближе к плотине. Лейтенант подхватил чемоданчик и двинулся в указанном направлении. Майор некоторое время смотрел ему вслед, затем махнул почему-то рукой и направился в штаб. В штабе горел свет, там же находился и комиссар полка — батальонный комиссар Мирошкин.

— Че к народу-то не вышел, коли здесь?

— На построении увижу. Че злишься-то, Степан Намыч?

— Ну, во-первых, пьяные все...

— Так мамка из-под юбки выпустила и деньги дала...

Каждое воскресенье так.

— Да, мамлей не понравился, умный шибко и самоуверенный.

— Это с которым после построения говорил?

— Ну, да, Шкирятов его фамилия. Звание у него, понимаешь, командиром звена прислали, на штурмовики. А он одного с остальными салажатами выпуска. Странно это.

— Где его личное дело? Прижмем зазнайку, в первый раз, что ли! Завтра же облажается. А летная книжка где?

— Не видел, он ее не передал.

— А вот, нашел выписку. Гляди-ко! В сложных метеоусловиях — сорок часов, «Ил-2» — сто шесть часов, всего триста тридцать шесть часов, шесть типов самолетов. И характеристика, подписанная... Не разберу... Коккинаки, ведущим летчиком-испытателем КБ-57. Красиво пишет! Ладно, завтра поглядим на это чудо!

В три тридцать прозвучал горн, захлопали двери комнат комсостава, и я выскочил в коридор и побежал

на физзарядку вместе со всеми. Командир полка еще не сказал мне, к какой эскадрилье я принадлежу, поэтому встал в строй ближайшей от меня группы летчиков. Понять, кто есть кто, пока невозможно: все в одинаковых майках и трусах, на ногах у всех одинаковые сапоги. Прозвучала команда: «Нале-во, бего-ом марш!» — и все побежали, громко топая сапогами. Зарядка была короткой, через тридцать минут подбежали к дому комсостава, подали команду «разойдись».

В летнее время жизнь в частях ВВС начиналась задолго до рассвета, но был тихий час после обеда, потом тактические или теоретические занятия, и опять на полеты. Я уже два года живу такой жизнью, исключение составили последние несколько месяцев, которые работал в ЛИСе 18-го завода в Воронеже. Там я проходил практику перед выпуском, налетав сто шесть часов на свежесопущенных «Ил-2». Таким образом Владимир Константинович Коккинаки рассчитался со мной за проигранный им спор и бой со мной. Мы здорово подружились, несмотря на большую разницу в возрасте и постоянно возникавшие споры по поводу вооружения «Ил-2», но забрать меня из ВВС ему не удалось. Помешала травма, полученная им при аварийной посадке на «Ил-4». К шапочному разбору он не успел приехать, в итоге я вместо ЛИСа завода распределен в строевую часть. Жаль, конечно, но армия есть армия. Здесь от твоего желания мало что зависит. Заодно посмотрим, что в частях творится. Я человек здесь случайный, залетный, в моем родном 2015 году служил в Липецке, в 4-м центре боевого применения и переучивания лётного состава ВВС. Так сказать, птенец Харчевского. Отгонял спарку «Як-130» в Борисоглебск и на посадке оказался в «И-153бис». Еле сел! У Сергея Шкирятова отказала кислородная система и заглох двигатель, я успел вытащить машину из пике, запустил движок и, пока делал «коробочку», успел разобраться, где что

есть. Немного полежал в госпитале с ушами, ну, а потом включился в учебу. Было немного скучновато, да и не высунуться особо, местные условия я знал совсем плохо. Первое время удавалось закосить под кислородное голодание, потом делать это стало опасно, и пришлось применять другую тактику: дескать, за ум взялся. Из слабенького троечника стал отличником и активистом-пропагандистом. Терпеть не могу это занятие, но другого пути остаться в ВВС не было. Это меня и подвело: к нам прилетел Коккинаки на «Иле», и я на спор за три часа поднял тот в воздух, сдал все допуски. В итоге оказался направленным в штурмовую группу вместо истребительной, а учился на «МиГе». Но повезло с тем, что попал на завод и успешно протолкнул несколько идей по вооружению «Ила». Сейчас идут испытания, и ожидается, что новое вооружение вот-вот будет поставлено в серийное производство. Но в конце марта состоялся выпуск, и, как я уже говорил, вместо ЛИСа меня сунули под «Зеленую Задницу». Они расчехвостили 61-й ШАП за день. Но до этого гнусного события еще есть немного времени.

Оделся и иду в столовую, не забыв прихватить с собой документы. По дороге разговорился с соседом по комнатам — лейтенант, второй год в полку, Петя Матвеев, летает на «И-153бис-63» левым ведомым, не слишком доволен тем, что мало летали зимой, и отсутствием заданий на воздушные бои. Шли еще в темноте. Столовых на аэродроме три: командного, сержантского и технического состава. Внешне они мало чем отличаются, но внутри разница значительная: в командной столики на четверых и официантки, а в остальных — длинные столы на двенадцать человек, дневальные и дежурный по столовой. Петя поволок меня с собой за столик, по дороге здороваясь с остальными командирами. Петру повезло, он успел закончить «бурсу» до приказа о том, что выпускники училищ становятся младшими командирами.

— Товарищи командиры! — прогремело в столовой. Дежурный по части отдал рапорт Степану Мамушкину, появившемуся на завтраке. Без него завтрак никто не начинал. Довольно необычно, позже выяснилось, что Мамушкин раньше служил во флотской авиации.

Завтрак обычный, в помещении тихо, видно, что с дисциплиной в полку все отлично. Я разузнал имена и фамилии начальства. Выяснилось, что в восьмой эскадрилье начальства нет, там только пять техников, двадцать два «МАСсовика» и ни одного командира. Всего в полку пять «Илов», но все они лежат еще по ящикам. Инженер полка уехал в Ленинград на курсы по этим машинам. Так что труба дело.

— Чем командир недоволен?
— А он всегда такой, не обращай внимания.
— А комиссар?
— Этот вредный, на глаза лучше не попадаться, особенно после «слизняка».

«Слизняком» называли местную распивочную, у которой в названии были буквы «SLIZ». В общем, в полку с пьянством борются, что не могло не радовать. Разгильдяй Сергей Шкирятов был в училище главным заводилой на курсе в смысле поддать, а я был непьющим и в той, и в этой жизни. По сравнению с остальной частью СССР, в ЛитССР цены на спиртное были ниже раза в три, особенно дешевым было пиво, которое стоило копейки и было довольно неплохим.

После завтрака всех собрали в «классе». В его роли выступал местный клуб, так как остальные помещения столько народу вместить не могли. Состоялась довольно длительная процедура представления каждого вновь прибывшего. По спискам в алфавитном порядке я был последним, поэтому смиренно ждал своей очереди. Но меня полку не представили. Сказали, что помимо прочих прибыл младший лейтенант Шкирятов, с назначением

которого возникли некоторые сложности. Поэтому он будет представлен полку несколько позже. Позже, значит, позже. Объявили, что я и Овчинников направлены в восьмую эскадрилью, которая будет пополнена в ближайшие дни.

После такого своеобразного развода все пошли на полеты, а я был вынужден идти в штаб полка. Впрочем, не только я, но и все приехавшие вчера тащатся туда получать официальные назначения и направления на склады для получения вещевого довольствия. Меня отозвал комиссар полка Алексей Мирошкин. Я представился.

— Полк обещают перевооружить этим летом на «Ил-2». Я видел выписку из вашей летной книжки, что у вас сто шесть часов налета на этой машине. Где и когда успели?

— Практику проходил в ЛИСе 18-го завода, товарищ батальонный комиссар. Принимал в качестве военной приемки машины, выпущенные заводом в ноябре — феврале, и проводил заводские испытания.

— Ну, и как?

— Не без приключений, дважды прыгать пришлось, а так все в порядке. За это и получил звание. Так как практика пришлась на осенне-зимний период, то пришлось сдать на право управления в сложных метеоусловиях. Еще шесть часов, и можно будет получать допуск к ночным.

— То есть самолет вы знаете хорошо?

— Да, освоил полностью и вводил летчиков на него. Весь курс первичного обучения.

— Отлично. Мы вас в план поставили на сегодня на ввод в строй, поэтому возьмите направление у начмата, сходите на склад и получите снаряжение. В 10:30 у нас с вами вылет. Действуйте!

Ну, хоть времени дали достаточное количество. Аэродром большой, пока из конца в конец ходишь, весь день

пройдет! Плюс мне не поставили сдачу теоретических зачетов, а вводят в строй как после отпуска, устраивая сразу вывозные, только район придется сдать, но от этого никуда не деться. Получил обмундирование: в отличие от сержантов, вещей б/у не выдали, все новое. Это радовало. Порядок в полку был. Звание у меня, конечно, не блещет, один кубарь, но и это для вещевого службы весомо. Часть вещей занес в комнату, остальное в раздевалку 8-й эскадрильи, предварительно выяснив, где она. Это оказалось совсем рядом, у ближайшего капонира. В штурманской службе получил карту района и сунул ее в новенький планшет. В классе выучил основные и вспомогательные ориентиры, пролистал их в голове и пошел к штурману полка. Полчаса позора (карта с польскими, немецкими и русскими названиями, а требовалось знать еще и литовские) — и роспись на зачете стоит. Все равно эти названия никто не знал. Они не употреблялись. Со сданным зачетом и допуском прихожу на КП. Вылет предстоит на «УТИ-4». Пристроился у завалинки поспать, поставив звонок на ручном хронометре на 10:00.

Разбудили меня раньше. Вызывал командир, которому комиссар доложил о разговоре со мной. По документам, четыре из пяти машин испытывал я сам. Одна машина прошла полный курс заводских испытаний и какие-то переделки бомбоотсеков. Я ответил, что не помню, что было изменено, потому что с замками и крышками было много работы, но подпись стоит, значит, все принято. Да, подписи мои. Майор хлопнул носом, но отпустил готовить машину к вылету. Пришлось взлетать с шиком — не поднимая хвоста. Дескать, почерк у меня имеется. Далее по коробочке без замечаний и излишеств. Посадка и вылет в зону на пилотаж. Тоже скучно открутил положенный каскад фигур с полочками и фиксацией исполнения. Комиссар остался доволен, черкнул какое-то незначительное замечание — так было положено, без замечаний

никто ничего сдать не мог. Он поставил мне ввод в строй, и мы опять предстали пред светлы очи отца-командира.

— Так, Козлов на курсах и говорит, что еще и в госпиталь ляжет. Так что будете назначены и.о. командира 8-й эскадрильи и командиром первого звена. В звено назначены сержанты Овчинников, Томин и Проскуров, ну и товарищ Мирошкин изъявил желание освоить новую машину. Заодно и вас проконтролирует. Возьмите в штабе приказ, и в 15:30 я буду у вас на построении. Зовут как?

— Сергей... Петрович.

— Ну, Петрович, действуй. Широко шагаешь! Штабы не порви! Только из училища, и комэск! Я до комэска пятнадцать лет летал.

Откозыряв, вышел с КП и пошагал в сторону стоянок восьмой эскадрильи. Следом за мной потянулись и три сержанта, двое из которых расспрашивали Пашу о «новой метле». Мне знакомиться с ними на ходу не сильно хотелось, они старше меня, выпуска осени сорокового года. В те годы набор в училища производился дважды в году. Это позволяло сократить количество преподавателей теоретического курса.

Новости в полку распространяются гораздо быстрее поросычьего визга, поэтому к моему приходу личный технический состав эскадрильи был построен. Приняв доклад старшего техника-лейтенанта Кучерова, осмотрел воинство и поинтересовался у Кузьмы Порфирьевича, имеется ли подменный фонд рабочего обмундирования в эскадрилье. Фонд отсутствовал. Приказал озаботиться этой проблемой.

— А то к обслуживанию машин вы еще не приступили, а уже чумазые, как чушки. Одно слово — маслопупы.

— Нас и. о. инженера задействовал на ремонтах «чаек», на изучение новой техники отвел только час

в день, товарищ... — и тут он меня попытался унижить: — младший лейтенант. Даже на построение отпустил только на двадцать минут.

Я скомандовал: «Смирно», — и доложил подошедшему батальонному комиссару, в том числе и об имеющихся проблемах.

— Некому было готовить личный состав, поэтому и принято такое решение. Разберемся. Федотов, сгоняй за Паршениным, скажи, что я зову.

— Есть, товарищ комиссар.

— Продолжайте, товарищ Шкирятов.

— Командир полка приказал распаковать, собрать и подготовить самолеты к вылетам. Срок — неделя. С сегодняшнего дня приступаем к интенсивным занятиям по новой технике и к подготовке к зачетам по специальности. На освоение — две недели. К майским праздникам первое звено должно быть готово и облетано. Поэтому, товарищ старший техник, приказываю подготовить козлы, тали, инструменты для распаковки и всю техническую документацию по сборке к 15:30. В 15:30 построение, прибудет командир полка майор Мамушкин. Вольно, разойдись.

Техники гурьбой отправились исполнять приказание, а я занялся летным составом, внимательно рассматривая их летные книжки. «Сливки» от слова «сливать». Двенадцать летных происшествий на троих. Ну, Пашу Овчинникова я сам готовил и успел исправить недоработки в его подготовке, а этих двух требуется полностью переучивать. Очень удивил комиссар полка, который встал в строй и подал мне свою летную книжку.

— Так, Паша, у меня в комнате на окне папка синяя, там описание и в отдельной тетради рекомендации по осмотру, взлету, управлению и посадке. Несешь в класс тактической подготовки, а мы — туда. Напра-во! Шагом марш. Разойдись.